

Матушка Фан, сметливо сообразив, смущённо посмотрела на девушку. — Эта девочка ещё невинна, её стати и внешность — верх совершенства. Скоро её представят гостям, и многие молодые господа из Высшей академии уже договорились со мной о её первой ночи... Если вы её заберёте, мне будет нечего ответить этим наследникам знатных родов.

Цинь Цзюнь нетерпеливо махнула рукой. — Она одна, сколько раз ты можешь продавать её «первый раз»? Не бойся. Если кто придёт с вопросами, скажи, что это по приказу господина Хэ. Мой господин сам за всё ответит.

Цинь Цзюнь на ходу выдумала фамилию, а потом, порывшись в складках одежды, сняла с пояса нефритовую подвеску и протянула Матушке Фан. — Если будут спрашивать, предъяви это в доказательство.

Подвеска мелькнула перед глазами. Матушка Фан поспешно подхватила её и, разглядев, ахнула: вещица меняла цвет от тепла руки! Одной этой безделушки хватило бы на выкуп нескольких первоклассных куртизанок! Эта гостья и впрямь была невероятно щедра.

Скрывая довольную ухмылку, Матушка Фан произнесла:

— Сто лянов.

— Дай ей, — сказала Цинь Цзюнь.

Цзиньсю тут же вручила Матушке Фан серебряный слиток.

Та хитро прищурилась. — Ох, госпожа моя, я имела в виду золото!

Цинь Цзюнь фыркнула. — Запрягай повозку.

— Быстро, живо! — обрадовалась Матушка Фан. — Запрягайте лошадь, постелите для Пинь-нян поплотнее!

— Госпожа, может, позвать лекаря? — подобострастно спросила она.

Цинь Цзюнь отмахнулась. — Не надо.

На улице снова закружился снег. Матушка Фан расплылась в улыбке. — Мороз такой лютый, мало ли что...

— Умрёт — моя забота, — отрезала Цинь Цзюнь, чувствуя, как остывает ручная грелка. — Ещё слово — и я передумаю.

Матушка Фан тут же насупилась и пнула кучера. — Шевелись!

Цзи Сы покинула конюшню. Запах навоза отступил, уступив место свежей, колкой свежести первого снега. Она с трудом приоткрыла веки. Повозка проезжала мимо парадных врат Нефритового терема. Полог приподнялся, открывая шумный, ярко освещённый ночной базар, полный гула голосов.

Девушка в шапочке с любопытством разглядывала мелькавшие за окном краски ночной жизни и зазывающих гостей улыбочивых девиц из веселых домов.

— Очнулась? — обернулась Цинь Цзюнь.

Среди городских огней и фонарей девушка сидела к ней вполборота, и лишь чёткий силуэт профиля вырисовывался в полумраке. Цзи Сы хотела спросить, кто она, но та вдруг наклонилась, раздвинула её грязные волосы и приблизилась — тёплый комочек, пахнущий лёгкими духами.

— Я тебя спасла, — сказала Цинь Цзюнь, и в её голосе ещё звучала девичья мягкость. — Ты знаешь, как отблагодарить за спасение жизни?

Цзи Сы тяжело сомкнула веки и снова отключилась.

Цинь Цзюнь в досаде взъерошила волосы. — Живее, главная героиня помирает!

Привезти такую бедолагу прямиком в резиденцию князя Кана было опасно: Цинь Куан наверняка раскусит обман. Тащить домой из публичного дома полумёртвую куртизанку — не объяснишься потом.

— Найди потайную гостиницу, — приказала она.

Цзиньсю покорно кивнула, но обе редко покидали дворец и плохо знали планировку Верхней столицы. Пока они петляли по улицам, Цинь Цзюнь то и дело проверяла, дышит ли Цзи Сы.

— Приехали, госпожа.

Цинь Цзюнь откинула полог и увидела вывеску «Тунфу». — Позови слуг, пусть вынесут. Хозяин, лучший номер! Жаровню! И чего-нибудь лёгкого, вроде рисовой каши!

Из гостиницы высыпали люди и мигом унесли Цзи Сы внутрь.

— Осторожнее! — нервно крикнула им вслед Цинь Цзюнь.

Дверь захлопнулась. В комнате затопили очаг, и постепенно стало теплеть. Цинь Цзюнь вместе с Цзиньсю пыталась влить в Цзи Сы немного каши, но та вытекала из уголков губ, так и не попав внутрь.

— Ешь же, — простонала Цинь Цзюнь в отчаянии. — Не будешь есть — умрёшь.

Цзиньсю пришлось разжать челюсти Цзи Сы, а Цинь Цзюнь принялась кормить её с ложки, беспокоясь:

— Не подавится?

Та покачала головой. Цинь Цзюнь, подумав, наклонилась к самому уху Цзи Сы и принялась нашептывать:

— Если не поешь — умрёшь. И ты смиришься? Наверняка у тебя ещё много дел, Цзи... Линь Пинь?

Внезапная боль в виске заставила её поправиться. — Линь Пинь?

— Госпожа, она проглотила! — воскликнула Цзиньсю.

Цинь Цзюнь заморгала. — Пр... проглотила?

В душе у неё смешались чувства — не то чтобы радость, но и не печаль. «Вот ведь, — подумала

она с облегчением, — не так-то просто тебя убить».

Была уже глубокая ночь. — Сходи за лекарем, — сказала Цинь Цзюнь.

Они остались вдвоём. Она немного помолчала, затем добавила:

— Сначала оботрём её, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Цзиньсю кивнула. — Позову горячую воду.

Цзи Сы открыла глаза и устало, настороженно уставилась на Цинь Цзюнь.

Та подошла ближе и тихо спросила:

— Как тебя зовут?

Цзи Сы не ответила, во взгляде читалось лишь недоверие. Цинь Цзюнь, видя, что та пришла в себя, на мгновение растерялась, но потом сказала:

— Я тебя спасла. Капля добра должна обернуться рекой благодарности, понимаешь?

Цзи Сы, проглотив немного каши, уже набралась сил и кивнула.

Только тогда Цинь Цзюнь немного успокоилась и позвала людей, чтобы те обмыли девушку.

Светало. В комнате тускло горела масляная лампада, и лишь звук воды, льющейся в деревянную купель, нарушал тишину.

Дело требовало скрытности, поэтому Цинь Цзюнь взяла с собой лишь Цзиньсю. К счастью, та была сильной и смогла в одиночку поднять Цзи Сы в купель. Но девушка была так слаба, что постоянно соскальзывала в воду. Цинь Цзюнь, боясь, как бы та не захлебнулась, закатала рукава и принялась помогать.

— Госп... госпожа, позвольте мне, — сказала Цзиньсю.

Цинь Цзюнь покачала головой. — Ничего.

Горячая вода постепенно пропитала кожу, проникла в раны, и Цзи Сы начала приходить в себя. Действие Порошка пяти минералов ослабевало, боль накачивала с новой силой. Со лба её градом катился пот, но она не стонала и не кричала, лишь постанывала, когда Цинь Цзюнь, снимая прилипшую к телу одежду, задевала повреждённую плоть.

Одежда пристала намертво. Цинь Цзюнь, с трудом стащив один рукав, обнажила плечо и шею — сплошное черно-багровое месиво. Когда она попыталась смыть грязь, вода тут же окрасилась в красное. Не было видно ни пяди здоровой кожи.

Цзиньсю ахнула. — Это...

Цинь Цзюнь в отчаянии сжала виски. — Ладно, отнесём на кровать. Принеси ножницы.

Цзи Сы снова уложили на постель. Цинь Цзюнь взяла ножницы. — Иди ищи лекаря. Лучшего.

Цзиньсю сомневающе посмотрела на Цзи Сы. Цинь Цзюнь раздражённо хмыкнула. — Быстрее!

Та поклонилась и вышла, притворив за собой дверь.

Цинь Цзюнь принялась резать одежду на Цзи Сы, обнажая тело, покрытое ранами от шеи и ниже. Даже грудь...

— Сначала я тебя оботру, — сказала она, намочив в тазу полотенце.

Цзи Сы неподвижно смотрела на неё, не проронив ни слова.

Цинь Цзюнь, сжимая в руке полотенце, не знала, с чего начать. — Потерпи немного. Если не очистить раны, лекарства не помогут.

Как можно было так изувечить человека? Цинь Цзюнь вспомнила, что читала в книгах: матроны из веселых домов владели особым искусством «обучения» девушек. Они покупали маленьких девочек с приятной внешностью и начинали «воспитывать» их с младых ногтей.

Их били до тех пор, пока кожа не превращалась в кровавое месиво, а затем наносили драгоценную мазь «Ледяная кожа и нефритовая кость», чтобы не оставалось шрамов. Новая кожа была особенно нежной, и после нескольких таких процедур тело будто меняло кожу.

Так девиц из веселых домов превращали в податливых, нежных созданий с кожей, будто вылепленной из снега. Но Цинь Цзюнь также знала: в книгах говорилось, что такая кожа в разы острее чувствовала наслаждение на ложе, но и пытки переносила куда тяжелее.

Боль, которую испытывала сейчас Цзи Сы, была в несколько раз сильнее обычной. И всё же, по воле Небес, она не могла умереть. Видимо, судьба предназначала ей пройти через все муки, очерстветь, а затем вернуться за возмездием!

Хотя Цзи Сы и выросла в веселом доме, покорности проституток она так и не переняла. Побой были для неё обычным делом. Даже воспитав в себе тело, привыкшее к ласкам, в душе она питала к этому делу глубочайшее отвращение.

Когда её заставляли развлекать гостей за вином, стоило кому-то прикоснуться к ней пошлее обычного, и она либо тут же испражнялась на клиента, либо, что хуже, рефлекторно давала пощёчину.

Матушка Фан перепробовала сотни способов «обучения», днями напролёт заставляла её смотреть на живые картины плотских утех, чтобы притупить отвращение, — но не могла отпустить Цзи Сы из-за её лица и пяти лет, вложенных в её «воспитание».

Вспоминая всё это, Цинь Цзюнь, обтирая Цзи Сы, боялась, что та вдруг даст ей оплеуху.

— Фух... — Цинь Цзюнь, закончив со спиной, ногами и ступнями, была вся в поту. Наконец она смущённо показала жестами на оставшуюся часть тела. — Силы есть? Если есть, сама оботришь спереди.

Цзи Сы, расслабив сведённые от боли брови, кивнула и взяла полотенце.